

После утренней репетиции помощник режиссера Коми республиканского театра драмы А. Ческая, обращаясь к актерам коми труппы, напоминала каждому из них: «Сегодня выездной спектакль».

Встреча со зрителями — всегда праздник для любого работника театра, если он бескорыстно любит свою профессию, если годы и равнодушие не умертвили в нем радость творчества, если сердце его не обросло бытавыми жирком. Но одно дело — выступать на привычных подмостках городского театра, где «обжит» каждый метр сцены, где и услугам актера вся современная техника светового и шумового оформления, а другое — в непогоду и бездорожье добираться до неблизкой «точки», разгребать на узком «пятачке» подчас неблагоустроенной площадки сложные мизансцены. Ведь бывает и так, что после очередной реплики приходится укрывать от зрителей полутьму на закопавшиеся руки — стены сельского клуба не всегда служат надежной защитой от сурового северного ветра...

Да, выездной спектакль приносит немало дополнительных трудностей коллективу театра, требуя отличной организации и подготовки, а подчас и просто оперативности и изобретательности от его участников.

Впрочем, все это как будто не имеет отношения к сегодняшней поездке. Сплавной катер идет против течения на большой скорости, держа курс на Седькиркуш. Настроение у всех превосходное. А вскоре мягкий толчок от береговой песок разрушает реанимационные планы любителей домино, и начинается высадка, сумятица и в то же время энергичная. Через 10 минут выездному режиссеру И. Аравому рапортовать, что ящики с декорациями подняты и людских потерь нет. Питопка медленно движется по припорошенной первым снегом главной улице поселка. Вдалеке виднеются огни большого двухэтажного здания. Это клуб, в котором состоится выездной спектакль.

Первое впечатление от клуба благоприятное. Добротное здание сложено

из крепких рубленых бревен и хорошо отделано внутри. Фойе просторно, на стенах плакаты, лозунги, диаграммы. Но почему-то в зрительном зале всего этого нет. Равнодушная рука развесила поясывающей заленной типографские репродукции с картин известных художников, но они не «смотрятся». А почему бы не заменить литографии выставкой произведений местных любителей живописи, участников самодельности, ведь такие в Седькиркуше найдутся!

Стрелка часов меж тем движется к 8. Подготовка к спектаклю в разгаре. Вездесущие мальчишки-«помощники» тыщат кизбу и «забора». Рабочие сцены конструируют «косты».

За 15 минут до начала как будто бы ничего не готово. Но в восемь пятнадцать занавес поднимается и все вздыхают с облегчением. А сидящие в «персональных» креслах впереди первого ряда ребятишки дружно хлопают в ладоши, приветствуя актеров. Это значит: спектакль начался!

Пьесу молодой сталинградской писательницы Л. Тыриной никак не назовешь совершенной. Действие развивается прямолинейно и, скажем прямо, схематично, характеры функционально приданы к замыслу драматурга, язык героев слабо индивидуализирован. Но почему спектакль находит живой отклик в зрительном зале, почему у актеров устанавливается подлинный контакт с аудиторией?

Дело в том, что в пьесе затронуты многие жизненные вопросы, а в решении их у молодого драматурга не отнимешь резкой принципиальности, умения до конца быть последовательным и выявить, что такое хорошо и что такое плохо.

Поначалу кажется приятным и положительным новый главный инженер МТС Антохин, приехавший с молодой и любимой женой в район, где ему некогда довелось бывать. И кажется обычной житейской историей — встретил здесь он женщину, с которой в годы войны связало его любовное увлечение. Для Антохина —

это далекое прошлое, эпизод его биографии. Для Натальи Андреевны, председателя сельсовета, женщины большой цельности, на разменявшей свои чувства, это настоящая трагедия. Живет в ней и любовь к Антонию, и вера в его возвращение, и главное, что сын их, одиннадцатилетний Андрейка не знает правды об отце, считая, что он погиб на фронте. Вот и запутывается сюжетный узел взаимоотношений героев, а зритель напряженно следит за переживаниями матери, отца и сына, мучительно и сложно постигая жестокую правду своих судеб. Можно спорить о правомерности финала пьесы — смерти Андрейки от непродвиженной болезни, смерти, призывной окончательно осудить кающегося отца, которому уже нет прощенья, что и выражено в мелодраматическом возмездии, падающем на его голову. Но автору присущие умение ставить ребром жгучие вопросы семьи, морали и быта, а это уже немалая заслуга.

Театр нашел хороших исполнителей для трех главных ролей. И. Аравом наделил своего Антохина искренней духовной жизнью и незаурядной искренностью, стремясь отойти от штампа отрицательного героя. Да, арамковский Антохин иногда не подлец и обманщик, о существовании сына он не знал ничего, а теперь у него новая семья, — где же искать выход из создавшегося положения?

Удаленно исполняла свою роль Г. Сидорова. И собравшиеся в зале поняли, что самое страшное для Натальи Андреевны, такой, как она сыграна актрисой это не обиды брошенной женщины, а боль матери за искаленную судьбу сына. И, кстати сказать, Андрейка чрезвычайно удачен в спектакле. Т. Кобжуев счастливо избежала условной «страстности», столь присущей многим артистам в ролях мальчиков и юношей. Простота и трогательность — вот те приемы, при помощи которых Т. Кобжуев лепит этот образ. И зачем скрывать — те бесподобные слезинки, которые дрожали в угол-

ках глаз многих зрителей, и особенно зрительниц, те быстро подавляемые всхлипы, которые возникали в 6 и 7 картинах в разных местах зала — все это свидетельство силы воздействия искусства жизненной правды, дыханием которой был овеян этот спектакль.

Хотя эти беглые заметки не претендуют на являющуюся рецензирование постановки драмтеатра, хочется обратить внимание на одну, на первый взгляд, второстепенную роль, сыгранную превосходно. Зрители в зале как-то особенно бурно реагировали при появлении на сцене Ксени — Н. Поповцевой, этойкой деревенской шеголихи с плохо названными рессинками, которая отбивает у стареющей Марфы ее мужа и подвергается всеобщему порицанию со стороны всех добропорядочных персонажей пьесы. А Н. Поповцева ищет более глубокого и, тем самым, более выскательного подхода к образу Ксени — ведь ее героиня впервые полюбила и не так уж просто отказывается от любимого человека, а ведь, именно по такому пути ведет ее актер, минуя житейские мели и рифы.

Но вот спектакль закончен. Все прошло хорошо, накладок почти не было, неприятных происшествий — тоже. Но все же какая-то неудовлетворенность осталась и у исполнителей, и у тех, кто смотрел «Отца и сына» на основной сцене. И в причинах этого надо разобраться, тем более, что они выходят за рамки данного конкретного спектакля.

Конечно, есть нечто, зависящее от самого коллектива театра. Уже давно на произволостанных совещаниях ведутся разговоры об изготовлении специального оформления и декораций для выездных спектаклей. Но дальнейшие разговоры дело не идет. Вот и получается, что между картинками образуются тягостные паузы на 12—15 минут, на сцене стучат молотки, зрители скачуют, а актеры утрачивают чувство ритма и сиюминутного действия. Не все продумано и в самой организации спектаклей.

Но мы увидели в Седькиркуше и другой ряд причин. Безобразно мала сцена — даже по отношению к я очень большому зрительному залу. Актеры скучены на площадке не более десяти квадратных метров. Нет регу-

лирующих световых устройств, софитов, всего того, что приобрело в современном театре такое важное значение. Ведь простейшие световые эффекты при любви к делу можно получить в любом клубе. Прибавим еще, что строители не предусмотрели «карманных» на сцене, закулисные комнатки так малы, что повернуться негде, и актеры, когда они не заняты на сцене, буквально сидят друг на друге.

Типовые проекты клубов, подобных седькиркушскому, давно устарели и нуждаются в обновлении и замене. Некоторые ссылаются — мол, наши клубы для самостоятельности, а не для постановок театра. Этот довод неубедителен — ну, а разве самостоятельность не нуждается в хороших условиях для работы? Тем более, что многие драмкружки берутся за пьесы, исполняющиеся на профессиональной сцене.

Что же касается творческого самочувствия мастеров нашего театра, то есть того, о чем уже шла речь в этих заметках, то правомерно задать администрации театра вопрос: не слишком ли много 4 выездных спектакля в неделю, не слишком ли большая нагрузка ложится на коллектив и нельзя ли продумать меры по лучшему привлечению зрителей наших окрестных и близлежащих поселков на спектакли основной сцены, где не теряется ни один из композиционных постановок. Среди этих мер и лучшее планирование репертуара, и организация транспорта, и устройство коллективных поездов и промостов, и распространение билетов на местах — короче говоря, все то, в чем видна забота театра о зрителе и о себе.

Но мы отклонились от главной нити нашего рассуждения, хотя и прибавить к нему что-либо существенное не приходится. Дорога вина по Быньгеде прошла без событий, и около часу ночи наш катер припартовался к городской пристани. Настроения усталость, чувство у всех было единодушное, и я бы сказал даже радостное. Это чувство исполненного творческого долга, которое служит вдохновляющим стимулом для работников советского искусства.

В. РУДЕНСКИЙ.

Красное Знамя
г. Сыктывкар

31 ОКТ. 1958